

Медиченко Л.Е.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета как единственно возможного и единственно приемлемого [1]. Т.е. каждая культура (исторически данная) порождает определенную присущую ей модель культуры. Модели принципиально представляют собой средства аккумуляции, передачи и получения информации (знаний), на основании чего могут быть выдвинуты в качестве систематических понятий. Решающее значение для использования моделей в культуроведении имеет то обстоятельство, что операции с моделями с одной стороны основываются на понятии знака, а с другой стороны - комбинируются с понятием структуры, выполняя при этом анализирующие или синтезирующие принципы.

По мере развития культуры происходит усложнение ее структуры, т.е. возрастает количество ее типобразующих признаков. Период роста типобразующих признаков рассматривается как процесс трансформации культуры. Под трансформацией культуры мы понимаем временные преобразования сочетаний, слагающих культуру параметров, в результате которых из одной модели может быть получен ряд других. Процесс трансформации как явление культуры, будучи вписано в тот или иной содержательный контекст, выступает как своего рода текст, тем или иным образом коррелирующий со своим контекстом, с одной стороны, накладывает свой отпечаток на контекстуальное смысловое поле, а с другой, сам адаптируется к своему контексту, испытывая его ценностно-смысловое воздействие. Осмысление, интерпретация и оценка явления культуры всегда обусловлена контекстуальностью, т.е. складывающимися диалогическими отношениями между данным текстом и инновативным контекстом, - в результате происходит "приращение смысла" - прежде всего в самом тексте, обретающем - в процессе взаимодействия со своим контекстом - все более и более значительную "интерпретативную оболочку".

Типологические процессы культурного развития проявляются в конкретно-национальных формах. Культура каждого народа является ответом на запросы и интересы человека, развивается не обособлено от него, а через него, служит ему в познании действительности и преобразующем воздействии на мир: политика государства, роль интеллигенции, развитие сферы художественной культуры, формирование кадров культуры, следование принципам преемственности, сохранение и использование культурного наследия, использование национального фольклора. Этно-национальная культура выступает как носитель информации - своеобразный текст, состоящий из знаков и знаковых систем, а также правил их пользования. Национальная культура это одновременно и текст, всегда существующий в определенном контексте, и механизм, создающий бесконечное многообразие культурных текстов, и долгосрочная коллективная память, избирательно передающая во времени и пространстве интеллектуальную и эмоциональную информацию [2]. Если понимать национальную культуру как потенциально несущий и создающий смысл текст, то подобно любому тексту - она нуждается в интерпретации, что служит основой для специальных типологических построений - моделей.

Переломным этапом в развитии белорусской национальной культуры явилась вторая половина 80-х - начало 90-х гг. XX века - это время завершающегося периода кризиса адми-

нистративно-командной системы, сложившейся в бывшем СССР. Для процессов, происходивших в республике в этот период, была характерна быстрая эволюция культурной политики, которая выразилась в формировании новых представлений о роли культуры в белорусском обществе, ее целях и задачах. Трансформация культурной политики происходила в атмосфере идеологического противостояния на международной арене, завуалированных и открытых столкновениях внутри страны. Неожиданное обретение Белоруссией независимости произвело качественный сдвиг в сознании интеллектуальной элиты, у людей творческих профессий в условиях, когда сам факт обретения государственного суверенитета страной поставил перед белорусским обществом новую проблему - поиск путей дальнейшего социокультурного развития, формирования новой культурной модели, основная цель которой сохранение национальной и культурной идентичности. Поэтому в процессе трансформации культуры представления белорусов о собственной культурной полноценности становятся условием этнического выживания белорусов.

В постсоветский период с новой силой в обществе развивается дискуссия о том, являются ли белорусы носителями самобытной культуры, имеющими право на самостоятельное существования. Долгое время белорусская культура рассматривалась как региональный вариант польской или русской культур, впоследствии, в СССР одним из направлений политики партийно-государственного руководства Советского Союза было стремление к скорейшему образованию единой интернациональной общности, которая получила название "советский народ". Центральное место в этой общности формально и фактически отводилось России, русской культуре и языку. Действуя в узких рамках директив центрального руководства страны, партийно-государственный аппарат БССР дозировал развитие национальной культуры, игнорировал ее потребности. В совокупности с невысоким уровнем национального самосознания большей части населения республики, проведение такой политики приводило к сокращению сферы использования белорусского языка, формированию искаженных представлений об исторической роли и самобытности белорусского народа. Белорусской культуре в основном отводилась роль экзотично-этнографического элемента и декоративного украшения официальной политики.

В постсоветский период решение вставшей проблемы сохранения национальной и локальной идентичности предполагало непременно обращение к исторической памяти народа. Начиная с ВКЛ, механизмы самоидентификации белорусов складывались благодаря компактности проживания, но с другой стороны это происходило постоянно в союзе с другими народами (ВКЛ, Речь Посполитая, Российская империя, СССР). Это обусловило отсутствие образа сильного самостоятельного национального государства в исторической традиции белорусов. Наоборот, в силу географического положения Беларуси, белорусы оказались "малой нацией между большими нациями", на стыке двух культур - западной римско-католической и восточной православно-византийской. Территория Беларуси постоянно подвергалась переделам, главный административный центр государства постоянно переносился. Видимо это объясняет то, что самоидентификация белорусов не поднималась никогда до уровня нации и государства, а часто была связана с локальной территорией, что затрудняет

Медиченко Лариса Евгеньевна, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

процесс консолидации нации и сейчас.

Исторически формировалась и роль местной элиты. Она была постоянно влита в польскую элиту, литовскую, российскую, советскую, поэтому не выработала навыки руководить. Со времен Речи Посполитой до наших дней дошла и такая помета самоидентификации белорусов, как дистанцированность белорусской элиты и белорусского народа, которые существовали в различных культурных контекстах. За годы советской власти удельный вес коренных белорусов среди городского населения Беларуси резко сократился, самобытную национальную интеллигенцию заменила советская, избавленная от исторических традиций.³ С того времени в наши дни перекочевали и слабая внутренняя консолидация разно ориентированных группировок местной элиты, которая предпочитала внешний конформизм более опасной деятельности по консолидации нации. Историческая дистанцированность элиты и народа повлияла и на то, что оппозиционная интеллигенция на Беларуси не сумела создать устойчивой влиятельной корпорации, региона или социального слоя - носителя ее идей. Поэтому сегодня в белорусском обществе господствует не этническая, а политическая прагматическая идеология.

Национальная принадлежность человека определяется его самосознанием и зависит от его включенности в семиотическое поле национальной культуры и чувства причастности к ней. Важную роль в этом процессе играет разработанность и употребление родного языка. Но мы сталкиваемся с очень важной проблемой – белорусы, по преимуществу, говорят по-русски. Предпочитая в быту русский язык, тем не менее, обладают достаточно устойчивой самоидентификацией. Так, по данным переписи населения 1985 г. более 80% населения определили себя как белорусов и более 70% признали своим языком белорусский. Хотя эмпирические наблюдения показывают, что на улицах городов практически не слышится белорусской речи, да и в деревнях люди помоложе разговаривают по преимуществу на “трасянке” - смеси русского и белорусского языков. С одной стороны, мы имеем исторически сложившееся отношение к белорусскому языку как к “мужской мове”, а с другой стороны, при преобладающем пользовании русским языком, родным все же признается именно белорусский язык. Возможно, таким способом народ пытался отграничиться от государственной машины, в частности, от набившего оскомину словосочетания “советский народ”.

В постсоветский период в белорусском обществе разворачивается дискуссия по проблеме формирования национального самосознания как одного из условий этнического выживания белорусов. Национальное самосознание в широком смысле слова - это представление народа о собственной сущности, о своем положении в системе взаимодействия с другими народами, о своей роли в истории человечества, включая осознание своего права на свободное независимое существование и на производство самобытной национальной культуры. Национальное самосознание в узком смысле слова - это представление нации о своей специфической отличительности от других, осознаваемой как высшая ценность. Национальное самосознание представляет собой выделение человеком себя из объективного мира, осознание и оценку отношения к своей нации, чувства сопричастности к истории, традициям своего народа, четкая идентификация своей национальной принадлежности. Как правило, национальное самосознание есть результат социализации человека. Самосознание народа базируется прежде всего на восприятии своей истории, оценке ее событий и героев. Особенностью развития белорусской национальной культуры является слабое обращение национально-го сознания к истории и избирательность исторической памяти. Так, в ходе социологических исследований, проведенных в Минске в 1990 г. и приуроченных к празднованию 500-летия со дня рождения Ф.Скорины, только 40,5% опрошенных граждан смогли ответить на вопрос о его роли в белорусской культуре, 15,9% - назвали лишь имя выдающегося просветителя, а 42,5% участвовавших в опросе ничего не слыша-

ли о творчестве уроженца Беларуси, юбилей которого по решению ЮНЕСКО отмечался во всем мире [4].

Историческое становление белорусов происходило в полиэтничном (поликультурном, полиязыковом и поликонфессиональном) социуме. Предки современных белорусов никогда не жили обособленно, а лишь в перекрестии разнообразных поликультурных влияний. Это способствовало формированию локальных характерологических особенностей: качественно более значительное и длительное (в сравнении с другими славянскими культурами региона) сохранение элементов язычества в мифологии, обрядах и повседневном быту широких народных слоев; отсутствие агрессивности и злопыхатности в отношении других народов, восприятие христианской религии, в основном, в рамках бытовой морали преобладание элементов общинной психологии, которые выражаются в тяге к коллективному труду (культурный феномен “талаки”); неприятие крайних индивидуалистических позиций и одновременно недоверие к большому искусственно созданным коллективам, руководимым некой “глобальной” идеей; слабая выраженность личной и коллективной инициативы, связанная с долготерпением народа, и с исторически сформированным недоверием к крайностям, и с традиционным консерватизмом; терпимость и толерантность, в тоже время терпимость может переходить в общественный конформизм.

Очень долгое время культура белорусов не имела своего “верхнего” слоя - это способствовало процессам ее фольклоризации. Фольклор стал духовным стержнем, вокруг которого сформировалось самосознание народа, его отношение к миру [5]. Одной из особенностей белорусского фольклора является практическое отсутствие оригинального богатырско-героического эпоса, воспевающего наступательность и готовность к территориальной экспансии. Возможно в этом одна из причин того, что в менталитете белорусов не сложилось действенной “культурно-империалистической” идеи, лежащей в основе национального самосознания. Более того, такая идея расходится с самим менталитетом народа, относящегося к жизни, прежде всего, с позиций здравого смысла и пассивно, но упорно сопротивляющегося всякому давлению. Поэтому национальная идея строится с учетом исторически и культурно заложенного полиэтничного “характера” белорусов, даже во времена Советского Союза из всех советских республик Беларусь была самой “советской” - она, пожалуй, как никакая другая, всерьез восприняла постулаты об интернационализме и дружбе народов. Интересно в этом контексте и отсутствие антисемитизма во всех слоях белорусского социума и непредвзятое отношение к “лицам кавказской”, “азиатской” и прочих несуществующих национальностей. Более того, само миролюбие и нежелание белорусов входить в конфликт, а также знаменитая белорусская толерантность по отношению к иным народам и конфессиям, понимаемые как экзистенциальные этнические ценности, привели к тому, что национальная идея белорусов имеет “посреднический характер”. Может быть именно эта посредническая роль между народами послужила одной из причин индифферентного отношения многих белорусов к своему языку. Для белоруса всегда было важнее договориться, найти точки соприкосновения, нежели проявить национальную гордость.

Большинство граждан Беларуси на протяжении жизни одного-двух поколений сменили традиционное сельское сообщество на большой город, дважды на протяжении этого времени испытали смену господствующей идеологии, одинаково жестко ломающие привычный уклад жизни и ценностные ориентиры. Такое население не может быть носителем жесткой идеологической схемы этнокорпоративного характера. Таким народом можно управлять, только опираясь на рационально-прагматические постулаты, например, семьи, работы, выгоды, религии в вольном политическом варианте. Ломка прежних идеологических схем и духовных установок привели к распространению состояния культурной дезориентации и неопределенности. Это разрушает целостность и сбалансированность общественной системы и ведет к смене культурных

парадигм. Поэтому одним из ключевых понятий в типологическом анализе развития белорусской культуры в постсоветский период выступает понятие маргинальности. Ситуацию вполне можно назвать маргинальной, поскольку в ее основе – пограничное, промежуточное положение, в котором оказалось белорусское общество и все его элементы в результате разрушения одной системы (советской) и формирования другой (какой?). Явление маргинальности тесно связано с процессом политической и экономической модернизации, в ходе которых происходит трансформация культуры, изменение социокультурных стереотипов и формирование новой модели культуры. Вынужденное освоение иных социальных ролей в процессе социальных, экономических и политических трансформаций характеризуется нарастающими процессами маргинализации населения и расширения зоны влияния маргинальных полей культуры, которые характеризуются своим положением на “окраинах” соответствующих культурных систем, “раздвоенностью”. Особенно ярко эти процессы проявляются в деятельности белорусской политической элиты, успешно совмещающей декларирование демократических устоев с авторитарностью руководства.

Подытоживая, можно выделить некоторые особенности трансформации белорусской культурной модели в постсоветский период:

1. Трансформация культуры – закономерный процесс. Появление новых культурообразующих признаков – это способ реагирования культуры на измененную окружающую среду.
2. Беларусь, как и другие молодые суверенные государства восточно-европейского региона, культуры которого являются однотипными по структуре и развиваются под влиянием одних и тех же импульсов, столкнулась с рядом проблем культурного строительства.
3. Отвечая на вопрос о структурной полноте современной белорусской культуры, вынуждены признать, что сегодня это культура с неполной структурой: во-первых, потому что отдельные ее части сегодня ослаблены, а некоторых нет совсем; во-вторых, потому, что белорусский язык не выполняет своих общественных и культурных функций.
4. В постсоветский период подверглись определенным изменениям критерии и способы национальной самоидентификации, которая все чаще происходит по осознанию общности с культурной белорусской традицией, с народом, с землей и белорусским государством. Идентификация по языку выступает достаточно редко. Этноязыковая самоидентификация белорусов “отстывает” перед государственной, т.е. самоидентификация белорусов преимущественно базируется на государственной принадлежности. Не последнюю роль в этом играет и осознание собственного менталитета и построение на его основе так называемого этнического самообраза белоруса. Язык же, пусть и не исполняя своей роли наиважнейшего средства этнической коммуникации, в белорусской культуре сохраняет иное значение – символической составляющей эт-

но-национальной культуры и традиции. Т.о. самосознание белорусов в основном имеет государственный оттенок, а основную роль в нем играет подданство, а не культурная самобытность.

5. В последние десятилетия была разрушена система трансляции между поколениями этнокультурной информации. Что усилило и без того существующий разрыв традиций, характерный для переходного общества. В современном белорусском обществе прослеживаются ценности и советские, и переходные, и либеральные, и консервативные, и национальные. Это вызывает проблему и внешней ориентации, под влиянием которой формируются, и внутренние ценности.
6. Тенденции маргинализации общества и тяги к фундаментализму есть отражение процесса обретения заново своей культурной идентичности. При этом белорусский фундаментализм специфический: по сути, его главной чертой сегодня является апологетика стабильности государства, а не нации и ее культуры. В дальнейшем развитии белорусской культуры необходимо учитывать и так называемый фактор “положительной маргинальности” – ситуацию промежуточного положения Беларуси “между Востоком и Западом”. Белорусы относятся к народам адаптативного типа, которые в разные эпохи строили свои культуры на принципе трансформации заимствований в самобытные культурные феномены и оказывались в гораздо более выигрышном положении, нежели замкнутые, ограничивающие себя узконациональными рамками. При толерантности, восприимчивости и изначально полиэтничном характере народа этот вариант в современных условиях представляется более продуктивным, чем создание мононациональной культуры
7. Исторические, геополитические факторы становления белорусской культуры способствовали формированию ее как культуры самодостаточной коммуникации, опоры на собственный опыт и местные традиции, понятные и знакомые всем, с недоверием к новациям, которые могут разрушить равновесие в обществе, разрушить тип культуры [6].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. - М., 1973. С.66.
2. Лотман Ю. Статьи по семиотике и топологии культуры. - Таллин: “Александра”, 1992. С.131.
3. Марцуль Г.С., Сташкевич М.С. Гісторыя Беларусі: Насельніцтва. Фарміраванне і вызначэнне этнічных і дзяржаўна-адміністрацыйных межаў. Беларусскае замежжа. - Мн., 1997. С.51-55.
4. Літаратура і мастацтва. 1990. 23 лютага.
5. Салеев В.А. Современная эстетика Белоруссии. - Мн.: “Выш.школа”, 1979. С.25.
6. Бугрова И.И. Идентичность Беларуси: из опыта “понимающей” политологии // Вектор. 1997. №3. С.2.

УДК 21+299.18

Акинчиц Т.И.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СИНКРЕТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ ПОЛЕШУКОВ

В Ипатьевской летописи, созданной на основе письменных источников позднего общего восточнославянского периода, термин «Полесье» употреблен впервые в значении отдельного социокультурного региона. Именно бассейн реки Припять под названием «Полесье» датирован в данной летописи под 1274 годом [1]. В ней жители данного региона были названы полешуками, являвшимися в то время органической составной частью «русичей», «русинов», «русов» [2].

Ныне Полесье занимает огромную территорию, охватывая значительную часть Беларуси и Украины, а также России и Польши. Непосредственно в состав Белорусского Полесья входит 31 район Республики Беларусь, причем 86% его территории составляют 27 районов Брестской и Гомельской областей. Согласно переписи населения 1999 года всего на Белорусском Полесье проживает около трех миллионов человек. 76,4% от общей численности здесь составляют белорусы,